

**ИСПОЛНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СОВЕТСКИМ
СОЮЗОМ ПО ОТНОШЕНИЮ К ТЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ В
ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**FULFILLMENT OF INTERNATIONAL OBLIGATIONS BY THE SOVIET
UNION IN RELATION TO THE BODIES OF PRISONERS OF WAR
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

УДК 341.34

ЗАНЕВСКАЯ Наталья Андреевна

ZANEVSKAYA Natalya Andreevna

Аннотация. Выявляются особенности исполнения СССР обязательств по отношению к телам военнопленных. Раскрывается порядок сбора сведений о плененном лице в целях передачи данных о нем согласно принятым международным обязательствам. Раскрыты особенности порядка выбора и отвода земельного участка для размещения захоронений военнопленных. Выявлен порядок погребения умерших, в том числе характер расположения тел покойных в могилах. Установлены требования, предъявляемые к обозначению захоронений военнопленных. Раскрываются особенности порядка заполнения и ведения документов, содержащих информацию о произведенных захоронениях.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, военнопленные, погребение военнопленных, обращение с телами погибших (умерших), обмен списками военнопленных; учет погребенных военнопленных; обозначение могил.

Abstract. *The features of the fulfillment of the USSR's obligations in relation to the bodies of prisoners of war are revealed. The procedure for collecting information about a captive person in order to transfer data about him in accordance with accepted international obligations is disclosed. The peculiarities of the procedure for selecting and allocating a land plot for the placement of graves of prisoners of war are disclosed. The order of burial of the deceased, including the nature of the location of the bodies of the deceased in the graves, is revealed. The requirements for the designation of the graves of prisoners of war are established. The peculiarities of the procedure for filling in and maintaining documents containing information about the burials made are revealed.*

Keywords: *international humanitarian law, prisoners of war, burial of prisoners of war, treatment of the bodies of the dead (deceased), exchange of lists of prisoners of war; registration of buried prisoners of war; marking of graves.*

Правовое положение военнопленных в Советском Союзе регламентировалось нормами Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18.10.1907 г). Использование норм данного акта было вызвано невозможностью принятия Женевской конвенции «О военнопленных» 1929 г. в связи с наличием противоречия норм последней с положениями Конституции СССР. На данное обстоятельство представителями Советского Союза неоднократно обращалось внимание, в частности 25 ноября 1941 г. была направлена Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел посольству США в СССР «Об отказе присоединиться к Женевской конвенции о военнопленных 1929 г.» [3].

Согласно положениям Гаагской Конвенции 1907 г. «О законах и обычаях сухопутной войны», на государство возлагались ряд обязательств в отношении тел умерших военнопленных, среди которых отдельно выделялись передача сведений о смерти каждого военнопленного и его погребение с учетом его чина и звания [1, ст. 19].

Для установления соответствия актов СССР в части обращения с телами военнопленных требованиям международных актов необходимо подробно рассмотреть положения национального законодательства.

Постановление СНК СССР № 1798-800с от 1 июля 1941 г. «Об утверждении Положения о военнопленных» [2] являлось основным нормативным правовым актом, устанавливающим базовые принципы правового регулирования содержания лиц в плену и особенности их правового статуса.

Для исполнения обязанности осуществлять передачу сведений о военнопленном Правительству другого воюющего государства, установленной ст. 14 Гаагской Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г., осуществлялся сбор сведений о военнопленном, позволяющих идентифицировать его.

Сбор информации о поступившем лице осуществлялся путем проведения регистрации при взятии его в плен. Такая процедура производилась на основании решения (по поручению) командования воинской части или соединения. Сведения о военнопленном включали в себя сведения, позволяющие идентифицировать его личность: фамилию, имя, отчество, возраст, место происхождения и матрикулярный (списочный) номер [п.5, 2]. Сообщение перечисленных сведений вменялось в обязанность военнопленным. При этом как при непосредственном сборе данных, так и в последующие периоды считалось недопустимым оскорбление, жесткое обращение с военнопленным, а также применения к ним мер понуждения или угроз в целях получения дополнительной информации [п.2, 2]. Собранные

таким образом сведения о каждом военнопленном передавались вместе с ним в пункты их дальнейшего следования [п.5, 2].

Передача сведений на родину о военнопленном производилась несколькими способами. В зависимости от субъекта, иницирующего направление сведений, можно говорить о существовании обязательного и добровольного порядка.

Добровольно оповещение о взятии лица в плен осуществлялось на основе его свободного и самостоятельного решения путем сообщения данного факта на родину [п.13, 2]. При этом любая почтовая корреспонденция (в частности закрытые и открытые письма, письма с объявленной ценностью) подлежали пересылке без взимания какой-либо платы в установленном Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных порядке.

В обязательном порядке уведомление происходило путем обмена списками военнопленных с привлечением исполнительного комитета Союза обществ Красного Креста и Красного полумесяца, в частности учреждаемым Центральным справочным бюро о военнопленных. Данное бюро действовало на основании особого положения, согласованного с НКВД СССР и УПВИ НКВД СССР и утвержденного руководством Исполкома СООК и КП 24.07.1941 г.

Уведомление о наступлении смерти военнопленного также производилось в обязательном порядке.

Факт смерти подлежал удостоверению в установленном порядке. По итогам предания тела военнопленного земле место его погребения надлежащим образом оформлялось [п.17, 2], что согласуется с нормами ст. 19 Гаагской Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» 1907 г.

Положения Постановления СНК СССР № 1798-800с от 01.07.1941 г. не устанавливали ограничений на распоряжение военнопленным своим имуществом на случай смерти посредством составления завещания (п.17). Сам порядок удостоверения завещаний не регулировался напрямую

Постановлением, которое лишь подтверждало право на совершение подобного волеизъявления и дальнейшую юридическую судьбу завещания: оно в числе иных документов вместе с деньгами, принадлежавшими умершим военнопленным, направлялось Центральному справочному бюро при исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного полумесяца [п.18, 2].

Как видно из сказанного, не все обязательства в отношении умерших лиц напрямую регулировались Постановлением СНК СССР № 1798-800с. В частности, вопросы обращения с телами не затрагивались и подлежали разрешению на основании ряда других актов, издаваемых в развитие Постановления.

Отдельный акт, устанавливающий порядок обращения с телами покойных военнопленных и детально регламентирующий порядок погребения, был издан несколько позднее.

Директива ГУПВИ НКВД СССР № 28/2/23 от 24.08.1944 г. «О захоронении военнопленных» [4] регулировала вопросы учета погребенных военнопленных и мест их захоронения и некоторые вопросы расположения тел при предании их земле.

Отдельно в Директиве рассматривался вопрос создания кладбищ для погребения военнопленных, чья смерть наступила в лечебных учреждениях.

Если при организации лагерей военнопленных потребность в создании соответствующих мест захоронения умерших в некоторой мере было возможно предусмотреть, то при организации лечебных заведений такой вопрос не рассматривался. Поэтому при создании медицинских учреждений, целью деятельности которых было излечение поступивших в них лиц, отвод земли для погребения тел не производился. Безусловно, наступление смерти лиц при нахождении их в медицинских организациях не исключалось ни руководством самих учреждений, ни руководством страны, а считалось неизбежным. В связи с прохождением лечения военнопленных, ситуация начала меняться: использования местных кладбищ, а следовательно, совместное захоронение на одном и том же кладбище военнослужащих

противника и умерших из числа советских граждан было невозможно по военно-политическим причинам.

При выявлении множества случаев использования для погребения военнопленных разных случайных мест было принято решение о необходимости правового регулирования данного вопроса отдельным актом.

Лечебным учреждениям и лагерям НКВД было предписано на свободных участках земли произвести отвод земли для организации на его территории кладбища для умерших военнопленных. Располагаться такие участки должны были в непосредственной близости от места нахождения лагеря или медицинского учреждения (более точное расстояние между этими объектами Директивой не оговаривались).

Участки, отведенные для создания кладбищ военнопленных, надлежало отгородить от остальных земельных участков. Такое обособление территории производилось не столько с целью установления и обозначения границ объекта специального назначения, сколько для минимизации факторов, влекущих ухудшение ведения учета погребенных военнопленных.

Так, колючая проволока [п.1, 4], которой надлежало произвести ограждение территории земельного участка, отводимого под будущее место погребения, способствовала минимизации факторов, влекущих утрату опознавательного знака, устанавливаемого при совершении каждого захоронения тела умершего военнопленного. Факторы, способствующие утрате знака или изменению его местоположения, можно свести к действиям и событиям как к классификации юридических фактов, деление на которые производится в зависимости от наличия воли их совершения [п.7, 4]. К первой группе в рассматриваемом случае относятся упомянутые в Директиве действия местных жителей (населения), направленные на их незаконное извлечение и перенос (указанный в тексте нормативного правового акта термина «растаскивание» приводит к выводу о цели изъятия опознавательных знаков как личной, бытовой и иной, не связанной с направленным надругательством над местом погребения военнопленного). Вторая группа

составляет последствия проникновения на территорию участка животных в виде совершения ими повреждения опознавательных знаков.

Для улучшения работы по ведению учета произведенных захоронений были введены требования как к документальному фиксированию проведенных погребальных мероприятий, так и закреплён порядок расположения могил на местности. Весь отведенный под кладбище земельный участок должен был быть разделен на квадраты. Размер данных квадратов исчислялся не в мерах длины (например, в метрах, т.к. данные требования возможно было соблюсти на участках геометрически правильной формы), а путем указания количества могил, располагаемых внутри квадратов. Наиболее удобным было выбрано располагать в квадрате 25 могил, которые содержали точно установленное и закреплённое количество рядов в размере 5. Таким образом, каждый квадрат состоял из 5 рядов по 5 могил в каждом, без указания точного расстояния между могилами, что в итоге позволяло использовать для организации кладбища участки с различным рельефом. Место расположения могилы в каждом квадрате фиксировалось как на самом опознавательном знаке, так и в сопутствующей документации.

Правовым регулированием был затронут и вопрос порядка производства захоронений: каждый квадрат подлежал заполнению в строго определенной последовательности, а не хаотичным образом: захоронения следовало производить начиная с верхнего ряда, двигаясь слева направо. Верхним считался тот ряд, который являлся таковым на плане. По мере заполнения первого квадрата захоронения следовало продолжать во втором квадрате, затем в каждом следующем.

Директива, специально созданная для исполнения ее требований в первую очередь лечебными учреждениями различной ведомственной принадлежности (спецгоспиталей НКО и НКЗдрава), не содержала правовых норм, затрагивающих санитарно-эпидемиологические вопросы предания тел умерших лиц земле, а затрагивала лишь вопросы организации размещения тел в пределах территории кладбища. Таким образом, основной целью Директивы

ГУПВИ НКВД СССР № 2 8/2/23 от 24.08.1944 г. было создание условий для обеспечения исполнения международно-правовых обязательств государства [4]. Поставленная цель могла быть достигнута при организации надлежащего погребения военнослужащих из числа противника, обозначения мест их погребения и поименного учета лиц, позволяющего установить судьбы умерших.

Созданное таким образом захоронение подлежало обозначению. Оповестительный знак представлял из себя кол с размещенной в верхней его части дощечкой. Последняя, как и сам кол, должна была отвечать критерию прочности. На указанной дощечке (преимущественно сделанной из фанеры) располагались данные, позволяющие идентифицировать захоронение, на котором она располагалась. Интересно, что сведения, указанные на опознавательных знаках, не позволяли установить личность погребенного лица напрямую, так как на нем не указывались непосредственно индивидуализирующие лицо сведения. Вместо указания на опознавательном знаке имени, фамилии и даты рождения, на дощечке указывались лишь данные, позволяющие установить месторасположение могилы: номер могилы и номер квадрата. Такие учетные данные располагались в виде дроби: номер могилы служил числителем, а номер квадрата – знаменателем. Нанесенные на фанеру указанные цифры должны были позволить определять захоронение в течение длительного периода времени, в связи с чем п.3 предписывал использовать для нанесения информации на опознавательный знак несмываемой краской [п.3, 4].

Сведения о захоронениях отражались в ряде документов, которые включали в себя алфавитную книгу и «кладбищенскую книгу» с вшитым в нее планом кладбища.

Информация о произведенном захоронении отражалась в так называемой «кладбищенской книге». Этот документ подлежал ведению в строго установленной форме, позволяющей максимально полно отражать сведения об умершем военнопленном. Кладбищенская книга отражала

сведения в отношении каждого погребенного военнопленного и заполнялась по мере производства захоронений.

Алфавитная книга содержала меньший объем данных об умершем военнопленном, нежели «кладбищенская книга». Алфавитная книга являлась лишь дополнением, позволяющим осуществлять более точный и быстрый поиск и сбор информации. Использование алфавитной книги не только сокращало время определения судьбы военнопленного и места его захоронения, но и позволяло при выявлении однофамильцев минимизировать направление искаженной и ошибочной информации. Поэтому отметим, что алфавитную книгу неправомерно было бы считать дублирующим документом.

Предусмотренный законодательством порядок погребения военнопленных и способ обозначения захоронений с отображением данных в специально предусмотренных документах наглядно демонстрирует исполнение СССР взятых на себя международных обязательств.

Подводя итог проведенному анализу норм советского законодательства в отношении обращения с телами умерших военнопленных, необходимо отметить соответствие положений принятых нормативных правовых актов требованиям действовавшего международного законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны. Гаага, 18.10.1907 г.
2. Постановление СНК СССР № 1798-800с об утверждении Положения о военнопленных. Москва. 1 июля 1941 г. // ГА РФ. Ф. 9401, оп. 1, д. 619, л. 297-299. ЦХИДК. Ф. 1/п, оп. 37 а, д. 1, л. 34-37.
3. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел посольству США в СССР от 25.11.1941 г. «Об отказе присоединиться к Женевской конвенции о военнопленных 1929 г.» // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 31. Л. 162-163. Заверенная копия.

4. Директива ГУПВИ НКВД СССР № 28/2/23 о захоронении военнопленных. Москва, 24 августа 1944 г. // РГВА. Ф. 1 п. Оп. 5е. Д. 2. Л. 116 об.-117. Типографский экз. Оpub.: Военнопленные в СССР. 1939 – 1956. С. 462-463.

REFERENCES:

1. Convention on the Laws and Customs of Land Warfare. The Hague, 18.10.1907.
2. Resolution of the SNK of the USSR No. 1798-800с on the approval of the Regulations on prisoners of war. Moscow. July 1, 1941 // GA RF. F. 9401, op. 1, d. 619, l. 297-299. TSKHIDK. F. 1/p, op. 37 a, d. 1, l. 34-37.
3. Note of the People's Commissariat of Foreign Affairs to the US Embassy in the USSR dated 25.11.1941 «On refusal to join the Geneva Convention on Prisoners of War of 1929» // WUA RF. F. 06. Op. 3. p. 4. d. 31. P. 162-163. A certified copy.
4. Directive of the GUPVI of the NKVD of the USSR No. 28/2/23 on the burial of prisoners of war. Moscow, August 24, 1944 // RGVA. F. 1 P. Op. 5e. d. 2. l. 116 vol. -117. Typographic copy. Pub.: Prisoners of war in the USSR. 1939-1956. Pp. 462-463.

Заневская Наталья Андреевна

соискатель ученой степени кандидата юридических наук

преподаватель кафедры военного права

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

123001, г. Москва, Б. Садовая ул., д. 14.

zan_natalia@mail.ru

Zanevskaya Natalya Andreyevna

Candidate for a degree in Juridical Sciences

Lecturer at the Department of Military Law

Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

B. Sadovaya ul., d.14, Moscow, Russia, 123001

20.02.03. – Военное право, военные проблемы международного права.